

Заметки о межвидовой коммуникации

Марк Мефёд

В русском языке существует фразеологизм «птичий язык». Он появился благодаря профессору астрономии Московского университета Дмитрию Матвеевичу Перевощикову, который таким образом охарактеризовал русские философские сочинения, написанные в первой половине XIX века. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений определяет фразеологизм следующим образом: «псевдонаучный, непонятный для многих язык; тайный, намеренно закодированный язык» [Серов, 2024. с. 655]. В таком переносном значении эта фраза закрепилась в нашей разговорной речи и вошла в обиход.

Однако со временем становится все более очевидным тот факт, что птичий язык может иметь буквальное значение в качестве видоспецифического (*species-specific*) языка птиц, на котором особи осуществляют коммуникацию. Этот язык зачастую выражен не только в вербальной форме, когда птицы с помощью комбинирования различных звуков, которые они способны производить благодаря строению своего тела, кодируют информацию в форме песен и криков, но и в невербальной форме. В этом случае в качестве примеров можно вспомнить производство различного рода визуальных сигналов, таких как танцы фламинго, демонстрация окраски перьев павлинов и любые другие движения тела птиц. Зачастую эти два уровня коммуникации – вокальный и невокальный – сосуществуют, например, в процессе мурмuration скворцов. У всех актов коммуникации, которые осуществляют птицы на протяжении их жизни, есть определенная цель – привлечение партнеров, защита или маркировка территории, предупреждение об опасности других членов стаи, координация совместных действий, демонстрация агрессии и доминирования или, наоборот, попытка наладить контакт и выстроить отношения партнерства или симбиоза.

При этом попытка буквально понять язык птиц как любой другой человеческий язык не делает его более доступным для нас; он по-прежнему остается содержательно малопонятным и воспринимается как зашифрованное послание одних субъектов, знающих ключ от шифра, к другим. Как следствие, коммуникация между людьми (человеческими животными) и птицами (нечеловеческими животными) представляется невозможной. И в этом заключается определенная проблема, так как птицы являются нашими неизменными спутниками: мы не только делим с ними природную среду, но и соседствуем во множестве разных урбанизированных пространств. Для более успешной коммуникации и впоследствии политического учета интере-

Мефёд Марк Владиславович, независимый исследователь; Москва, Российская Федерация.
E-mail: fleainmyhead@gmail.com

Статья посвящена анализу межвидовой коммуникации, при этом основное внимание уделяется взаимодействию людей с птицами и другими нечеловеческими животными. Принимая во внимание, что межвидовая коммуникация невозможна ни на человеческом языке, ни на видоспецифическом языке животных, автор обращается к работам Эдуардо Кона и Евы Мейер для переосмысления самого понятия языка и способов взаимодействия между видами. Рассматриваются вербальные и невербальные формы коммуникации, включая вокализации, визуальные сигналы, телесные движения и поведенческие индексы, а также явление метакommunikации, которые позволяют животным передавать значение своих действий. Также делается акцент на том, что коммуникация между видами строится не только на обмене сигналами, но и на способности к взаимному восприятию, интерпретации и реагированию в общем пространстве. В статье подчеркивается, что межвидовая коммуникация – это процесс взаимодействия, включающий совместное создание смысла и признание других субъектов как носителей собственного опыта. Автор акцентирует внимание на необходимости развития межвидовой демократии, понимания разнообразия знаковых систем и применения философских и антропологических подходов для расширения человеческого восприятия, формирования новых этических практик и выстраивания этически ответственного взаимодействия с другими живыми существами.

Ключевые слова: птичий язык; птицы; нечеловеческие животные; межвидовая коммуникация; Эдуардо Кон; Ева Мейер

Цитирование: Мефёд, М. В. (2026). Заметки о межвидовой коммуникации, *Городские исследования и практики*, 11(2), 6–13. <https://doi.org/10.17323/usp11220266-13>

сов различных групп животных, включая человеческих, нужно понять, как осуществить перевод с одного видоспецифического языка на другой или как проникнуть в другую знаковую систему.

Первое, что приходит на ум, когда мы говорим о межвидовой коммуникации в таком контексте, — работа Айрин Пепперберг, американского когнитивного психолога и этолога [Пепперберг, 2016].

В 1980-х годах Пепперберг пыталась выяснить, способны ли непринымы усваивать нехарактерную для них знаковую систему, а именно человеческий язык. В качестве эксперимента она обучала попугаев разговаривать на английском. Одним из таких попугаев был жак Алекс (1976–2007). За свою жизнь Алекс не только выучил больше сотни слов, но был способен усваивать слова из разговора окружающих и употреблять их по собственному усмотрению в новых ситуациях, демонстрировал способность к символизации, устанавливая эквивалентность между предметами и обозначающими их словами, понимал абстрактные понятия; придумывал собственные названия для безымянных предметов, понимал, что слова состоят из отдельных фонем, и практиковался в их произнесении. Этот список не ограничивается уже упомянутыми языковыми способностями Алекса. Однако самое важное, на что нужно обратить внимание, — это то, что Алекс не просто механически повторял слова, но и мог осмысленно их использовать в совершенно разных ситуациях, отличных от того контекста, в котором он эти слова усвоил.

Апогеем эксперимента стал момент, когда Алекс захотел узнать, какого он цвета. Пепперберг специально не обучала его этому; Алекс сам задал этот вопрос, чтобы выяснить что-то о себе. Это свидетельствует о том, что Алекс не просто хотел узнать, какого он цвета, — у него присутствовало понимание собственной индивидуальности и способность к саморефлексии; он осознавал себя как отдельное существо, обладающее уникальными чертами. В ходе этого продолжительного эксперимента Айрин Пепперберг доказала, что животное, не относящееся к приматам и даже к млекопитающим, способно к освоению зачатков коммуникации с человеком на уровне, сопоставимом со способностями человекообразных обезьян.

Попугай Алекс — не единственная особь, проявившая способности к межвидовой коммуникации в подобных условиях. В 2010 году Бетти Джин Крейг, специализирующаяся на сравнительном литературоведении, опубликовала книгу, в которой рассказывает о своих разговорах с жак Космо, также обладавшим достаточно обширным словарным запасом и отличавшимся способностью использовать слова в различных контекстах [Craig, 2010]. Современные примеры из социальных сетей также показывают, что попугаи распознают цвета, формы, размеры и материалы, демонстрируя элементы абстрактного мышления, и способны общаться, используя человеческий язык. В качестве примера

можно привести жак Аполло, которого Тори и Далтон Мейсоны обучают согласно методике Айрин Пепперберг [Wikipedia, 2023].

Эти эксперименты могут служить наглядной демонстрацией того, что перевод с одного языка на другой вполне осуществим и что коммуникация между человеческими и нечеловеческими животными на человеческом языке может быть успешной. Однако главная проблема заключается в масштабировании этих результатов на городское пространство (подобная межвидовая коммуникация на человеческом языке может быть воссоздана только в ограниченных рамках эксперимента), а также в том, что не все птицы способны освоить человеческую речь (таких видов единицы).

В последнее время с приходом в нашу жизнь и науку больших языковых моделей количество попыток расшифровать видоспецифический язык животных кратно возросло. Ученые из Копенгагенского университета, записав и проанализировав 15 425 звуковых сигналов, издаваемых свиньями, выяснили, что они используют 19 видов хрюканий и криков для выражения различных эмоций, включая страх, радость, разочарование, грусть или стресс [Forskarer har hittat metod, 2024]. Чилийский морской биолог Марсела Руис в настоящий момент пытается расшифровать, о чем поют киты, с помощью искусственного интеллекта [Ruiz, 2024]. Группа ученых, среди которых Джойс Пул, последние 50 лет занимающаяся изучением коммуникации африканских слонов, расшифровав их звуковые сигналы с помощью искусственного интеллекта, доказала, что африканские слоны обращаются друг к другу по именам [Pardo et al., 2024]. Другая группа ученых смогла обнаружить грамматическую основу песен бенгальского амадина, также полагаясь на техническую помощь искусственного интеллекта [Kobayashi et al., 2025].

Большие языковые модели — достаточно новая технология, которая только начинает использоваться в контексте расшифровки языка животных, однако мы видим, что уже появляются конкретные результаты. Возможно, в обозримом будущем мы сможем не просто понимать нечеловеческих животных (хотя пока до этого тоже далеко), но и отвечать им на их же видоспецифическом языке. Однако до того момента, когда мы сможем наладить коммуникацию между птицами и людьми на видоспецифическом языке птиц, еще очень далеко.

Итак, мы знаем, что птицы коммуницируют между собой на видоспецифическом языке. Мы знаем, что коммуникация с птицами на человеческом языке может быть успешной, хотя в масштабах урбанизированного пространства ее достижение представляется маловероятным. Нам известно, что коммуникация с птицами на их видоспецифическом языке потенциально возможна в будущем, но не на текущем этапе развития больших языковых моделей. В таком случае возникает новый вопрос: как выстроить полити-

ческую коммуникацию с птицами, с которыми мы делим общие пространства, уже сейчас?

Кажется, что самым подходящим ответом будет признание того факта, что коммуникация между людьми и птицами возможна, однако нам нужно изменить наше представление о самой коммуникации и о том, как может выглядеть язык. Ниже я предлагаю проанализировать подходы к решению этого вопроса, содержащиеся в работах антрополога Эдуардо Кона и философа Евы Мейер.

В книге «Как мыслят леса» Кон, опираясь на идеи философа Чарльза Пирса, разрабатывает теорию семиозиса. Он пишет, что нас, людей, объединяет с миром нечеловеческой природы то, что мы все «пронизаны и опосредованы знаками» [Кон, 2018, с. 37]. Однако живым существам доступны знаки разного порядка. Например, нечеловеческим субъектам присущи иконические и индексальные знаки, которые они способны воспроизводить и интерпретировать. Человек же, помимо этих двух форм знаков, использует еще и символические знаки. Представляется, что опора на подобный подход открывает возможность коммуникации как за пределами сугубо человеческого, так и непосредственно с нечеловеческими субъектами. В данном контексте мы можем говорить о межвидовой коммуникации не только как о коммуникации с использованием определенных знаков, к которым прибегают только человеческие существа, но и как о процессе, основанном на знаках иного порядка, присущих нечеловеческим субъектам. Как следствие, концептуальная рамка Кона подталкивает к тому, чтобы переосмыслить политическое участие: оно может осуществляться не только посредством человеческого языка. Поэтому политическое сообщество готово воспринимать (слышать) субъектов за пределами привычной языковой практики и признавать за ними способность к политическому участию [Young, 1996]. Мы, в свою очередь, должны научиться воспринимать сигналы обратной связи, исходящей от природы в иной форме, нежели человеческий язык [Dryzek, 2000]. Такое понимание коммуникации приводит к тому, что коммуникация может включать в себя не только вербальное взаимодействие, но и широкий спектр невербальных практик и действий, о которых мы говорили в начале статьи в контексте птичьего языка. Нам остается только научиться слышать и воспринимать этот переосмысленный язык, следуя за знаками, исходящими от нечеловеческих животных.

В работе *When Animals Speak: Toward an Interspecies Democracy* [Meijer, 2019] Ева Мейер предлагает более глубокую и проработанную трактовку такого рода коммуникации, потому что ее изначальной задачей было выстроить новое понимание политической межвидовой коммуникации.

Свои рассуждения Мейер начинает с фрагмента из «Политики» Аристотеля, в котором он пишет следующее: «Между тем один только человек из всех живых существ одарен речью. Голос выражает пе-

чаль и радость, поэтому он свойствен и остальным живым существам (поскольку их природные свойства развиты до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать эти ощущения друг другу). Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, и равно как и то, что справедливо и что несправедливо. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость, и т.п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства» [Аристотель, 1983, с. 379]. Мейер, ссылаясь на Жака Деррида, подчеркивает, что противопоставление речи (*logos*) и голоса (*phone*) выступает важным критерием установления политических границ, определяющим, кто будет включен в политическое сообщество, а кто будет из него исключен [Derrida, 2009]. Современная политическая теория следует этому аристотелевскому разделению, поэтому только люди могут участвовать в политике, поскольку обладают речью, способностью аргументированно высказываться и различать справедливое и несправедливое. Политическая речь (*logos*) противопоставляется *phone*, звуку голоса нечеловеческих животных и Других, выражающему боль или удовольствие. В рамках такого подхода современные определения языка и политической коммуникации выстраиваются внутри дискурса, в котором человеческая речь рассматривается как априори более значимая и полноценная, что воспроизводит антропоцентрическую позицию. Соответственно, само понятие языка оказывается сопряжено с исключением нечеловеческих субъектов: гуманистический взгляд признаёт языком только ту форму выражения, которая соответствует человеческому *logos*, тем самым маргинализируя другие формы коммуникации. Поэтому Мейер предлагает «бросить вызов» такому подходу и «разработать новое понимание языка, которое может принять во внимание множество нечеловеческих животных выражений и способов создания смысла и которое начинается с идеи, что другие животные — это существа, у которых есть свой собственный взгляд на жизнь и их собственные способы сообщить об этом другим представителям своего и других видов» [Meijer, 2019, p. 15].

Таким образом, переосмысление языка в контексте коммуникации с нечеловеческими животными строится на двух тезисах. Во-первых, на существующие человеческие концепции языка уже влияют представители иных видов, поскольку люди и нечеловеческие животные сосуществуют и развиваются совместно. Во-вторых, важно признать, что люди и другие животные разделяют общие языки или языковые игры, в которых нечеловеческие животные проявляют свободу действий.

Раскрывая первый тезис, Мейер пишет, что язык формируется в процессе сосуществования и коэволюции с другими видами, который влияет на нашу способность понимать друг друга. В этом смысле мы обладаем всеми необходимыми инструментами

для того, чтобы межвидовая коммуникация была успешной.

Рассуждая о втором тезисе, Мейер опирается на концепцию «языковых игр» Людвига Витгенштейна, чей подход к языку предполагает отказ от поиска универсального определения языка и смещает внимание на описание того, как язык функционирует в конкретных социальных практиках [Meijer, 2019, p. 44–68]. В этой перспективе значение слов не является заранее заданным, а формируется в процессе их использования; смысл возникает из отношений, устанавливающихся между языковыми выражениями и практиками, в которых они задействованы. Такой подход также подчеркивает, что коммуникация включает не только вербальные элементы, но и жесты, телесные движения, интонации и другие формы невербального выражения, являющиеся полноправными компонентами языковой деятельности. Соответственно, язык предстает как феномен, существенно превосходящий совокупность слов и звуковых сигналов. Языковые игры в этом смысле распространяются и на формы коммуникации нечеловеческих животных, в которых невокальные элементы играют ключевую роль, что позволяет рассматривать язык как многообразие практик, а не как замкнутую систему.

Мейер рассматривает язык как совокупность языковых игр, в которых задействованы не только человеческие, но и нечеловеческие взаимодействия. Нечеловеческие животные выступают со-творцами смысла во множестве различных практик. Как следствие, язык является совокупностью языковых игр, которые происходят между различными видами не только посредством использования вербальных сигналов (*logos*), но и с помощью невербальных практик (*phone*). Важно подчеркнуть, что мы можем участвовать в языковых играх совместно с нечеловеческими животными, а также то, что многие виды обладают сложными системами сигналов, которые по своей структуре и функциям выходят за рамки исключительно передачи эмоциональных состояний.

Так, у верветок – приматов, обитающих в Восточной Африке, – существует дифференцированная система тревожных сигналов: отдельные вокализации используются для предупреждения о приближении хищников. Более того, наблюдения показывают, что верветки способны не только распознавать конкретные сигналы, но и соотносить их с соответствующим типом опасности, что предполагает наличие у них базовых способностей к интерпретации и оценке значения сигнала.

Аналогичным образом функционирует язык луговых собак – грызунов, обитающих в Северной Америке. Он представляет собой сложную систему вокализаций, служащую для кодирования информации о хищниках. Отмечается, что их сигналы варьируются в зависимости от размера, формы, скорости движения и типа угрозы, что позволяет предположить наличие структурной организации, сходной

с элементарными грамматическими правилами человеческого языка.

Обращаясь к невокальным формам коммуникации, стоит вспомнить некоторые виды ящериц, у которых выделяют четыре способа подачи сигнала: характерная поза тела, количество конечностей, соприкасающихся с землей, ритмичное кивание головой и раздувание горлового мешка. Эти элементы могут комбинироваться, образуя систему сигналов, используемых в различных социальных взаимодействиях.

Дополнительное свидетельство сложно организованной коммуникации между нечеловеческими животными – феномен метакommunikации у собак. Метакommunikация предполагает способность указывать на контекст взаимодействия – например, собака может использовать специфический жест, приглашающий к игре, чтобы обозначить, что последующие выглядящие агрессивными движения следует интерпретировать не как угрозу, а как игровое поведение. Это говорит о существовании у нечеловеческих животных способности артикулировать не только содержание сообщения, но и способы его интерпретации.

Все эти примеры указывают на то, что нечеловеческие животные используют многообразные и контекстуально организованные формы коммуникации, которые в ряде случаев демонстрируют функциональное сходство с элементами человеческого языка. Как следствие, Мейер утверждает, что значение слов никогда не дается заранее, а возникает в процессе взаимодействия, которое выходит за пределы исключительно человеческих языковых игр, и включает в себя также межвидовые языковые игры. Однако важнее то, что в процессе этого взаимодействия мы не просто конструируем значения слов, но выражаем себя и создаем наши отношения с другими, производя наш общий мир.

Логичным продолжением переосмысления языка видится обращение к работам Мориса Мерло-Понти [Meijer, 2019, p. 74–78]. Отталкиваясь от его рассуждений, Мейер пишет, что тела играют важную роль в языке, поскольку они влияют на форму речи и, следовательно, на ее значение (*meaning*). Более того, разные языки связаны с разными формами культурного самовыражения: мысль и выражение конституируются одновременно, будучи укорененными в определенной культуре в существующем языковом мире. Как следствие, понимание не сводится к простой расшифровке или переводу представления, а скорее имеет дело с говорящим субъектом, обладающим определенным стилем бытия, и с его миром. Поэтому, если мы находим значение в акте речи и рассматриваем тело как то, что придает смысл миру и одновременно выражает его, мы можем избежать восприятия других животных и их языков как объектов, выражающих predetermined значения, или как субъектов, застрявших в своем умельте (окружающем мире). Именно поэтому Мерло-Понти справедливо указывает на то,

что смысл может быть создан между двумя очень разными субъектами. Однако чтобы иметь возможность применить этот подход, нужно рассматривать «говорение» как нечто более широкое, чем использование человеческих слов, а также принимать во внимание видовые различия в том, как животные выражают себя, учитывая, что телесная организация определяет форму их речи, которая не ограничивается звуками.

Таким образом, и птичий язык может быть лишен его изначальных коннотаций, связанных с туманностью, непонятностью, недоступностью. Хотя он все еще сложен для понимания, мы видим, что располагаем инструментарием, чтобы попытаться его осмыслить. Во-первых, язык – это не замкнутая система знаков, а совокупность языковых игр, возникающих в процессах взаимодействия между видами, которые сосуществовали вместе и коэволюционировали. Человеческие способы восприятия и реагирования формировались не изолированно, а в постоянном контакте с другими животными, из чего следует, что базовые структуры значимости, ориентированности на другого и способности к интерпретации являются межвидовыми по своему происхождению. Во-вторых, смысл сигналов, слов и знаков возникает не из знания словаря или грамматики, а из наблюдения за ситуацией, реакциями, поведением и формами ответов. Мы можем играть в такие игры, поскольку смысл – это результат совместной деятельности, а не свойства заранее определенных знаков. В-третьих, понимание достигается не через перевод птичьего языка на человеческий язык, а через способность воспринимать Другого как говорящего субъекта с его собственным способом бытия. В этой перспективе понимание – это попытка проникнуть в процесс выражения. Проникновение же возможно благодаря тому, что смысл может возникать между двумя очень не похожими друг на друга субъектами, обладающими телесностью, пусть и различной по своей организации [Merleau-Ponty, 1968].

Такое понимание языка позволяет Мейер сформулировать специфическую концепцию межвидовой демократии и коммуникации. В этом контексте она говорит о четырех модальностях – времени, пространстве, телесности (*physicality*) и отношениях, – которые трактуются иначе. Модальности времени характеризует изменение процесса обсуждения (*deliberation*). Если «политические разговоры между людьми часто происходят в формализованной обстановке и направлены на достижение окончательных выводов» [Meijer, 2019, p. 233], то, поскольку «политическая межвидовая коммуникация сопряжена со множеством неопределенностей, касающихся возможностей животных, межвидового взаимопонимания и так далее, лучше рассматривать эти взаимодействия как открытые процессы» [Ibid.], которые не всегда могут быть завершенными. Конечно, «в ходе этих процессов <...> можно достичь взаимопонимания, но всегда могут возникнуть новые идеи,

которые можно использовать для их улучшения» [Ibid.] в будущем. Модальность пространства предполагает смещение фокуса со «специально отведенных» для политических процессов и коммуникации «пространств, таких как здания парламента и мэрии» [Ibid., p. 234], в которых зачастую принимаются фактические политические решения, и выход «за рамки этих политических пространств». Для этого нужно «не просить или ожидать, что нечеловеческие животные переместятся в пространства, созданные людьми и для людей» [Ibid., p. 235], а расширить список пространств, в которых уже происходит межвидовая политическая коммуникация, и признать процессы, которые в них разворачиваются, политически значимыми. Модальность телесности делает акцент на том, что «межвидовое обсуждение часто не включает человеческие слова, но <...> это не <...> означает, что мы не можем говорить о вещах. Вместо того чтобы рассматривать обсуждение просто как процесс, в котором аргументы используются для пересмотра суждений, мы <...> должны понимать, что наше взаимодействие с людьми и другими животными всегда воплощено (*embodied*). Более того, <...> предметы могут играть определенную роль в обсуждении» [Ibid., p. 236]. Например, «в отношениях между собакой и человеком поводок может <...> функционировать как инструмент, опосредующий обсуждения, а в отношениях между гусем и человеком» [Ibid.] – земля, о чем мы поговорим чуть ниже. Модальность отношений указывает на необходимость всегда учитывать контекст, в рамках которого происходит то или иное обсуждение: как возникла проблема, кто вовлечен в ситуацию, как она развивается, а также кто, в какой мере и каким образом вносит вклад в обсуждение. В частности, мы должны помнить, что «как разовые индивидуальные встречи, так и повседневное групповое взаимодействие формируются множеством исторических, культурных, политических и других факторов», которые важно учитывать при разработке новых форм взаимодействия [Ibid., p. 237–238].

Одним из примеров того, каким образом такая теоретическая модель может работать, является обсуждение, возникшее вокруг голландской популяции серых гусей, гнездящейся в окрестностях аэропорта Схипхол в Амстердаме. В конце статьи, посвященной анализу этого кейса, Мейер пишет: «Самым первым шагом к включению голосов гусей может быть встреча политиков-людей с гусями, в отношении которых они принимают решения. В нынешней ситуации политики иногда ничего не знают о видах и сообществах, с которыми они имеют дело, что позволяет им игнорировать их точку зрения и полагаться на стереотипы. Шаг второй: необходимо понять, где происходит взаимодействие между гусями и людьми, и научиться извлекать из него уроки. Например, коммуникация о ландшафте может предоставить информацию, которая поможет нам лучше коммуницировать с гусями. Шаг третий: взаимодействие с гусями должно влиять на политические

практики, а принимаемые в отношении них решения должны доводиться до гусей на понятном им языке. Затем они могут отреагировать на это решение, например покинув определенное место или начав защищать его, а на эту реакцию должен последовать ответ со стороны людей. В-четвертых, необходимо ставить небольшие политические эксперименты для дальнейшего изучения этих вопросов. Чтобы найти новые способы сосуществования с гусями, нам необходимо разработать новые способы взаимодействия с ними. Разговаривать с гусями и слушать то, что они говорят в ответ, — первый шаг в этом направлении» [Мейер, 2024].

Другой кейс, который разбирает Мейер, — отношения между людьми и чайками в Нидерландах [Meijer, 2016, p. 64–65]. В последние несколько десятилетий деятельность человека (сельское хозяйство и туризм) разрушила множество мест обитания чаек. Поэтому чайки переместились в городские пространства Нидерландов, «где начали гнездиться на домах с плоскими крышами и изменили свой рацион, включив в него человеческую пищу», которую они добывают, ворую ее прямо у людей или вскрывая мусорные пакеты. Один из голландских политиков, Рудмер Хеерем, объявил войну чайкам и разрешил их отстрел, потому что, по его мнению, «они открывают мусорные мешки, крушат машины, загрязняют окружающую среду и не дают тысячам людей спать по ночам» [Ibid., p. 65], «представляют опасность для маленьких детей» [Ibid.], а также «по всей видимости, воруют сыры, которыми славится город» [Ibid.] Алкмар, выходцем которого является Хеерем. Однако нидерландская организация по защите птиц (De Vogelbescherming) выступила против подобных мер и не допустила отстрела. Вместо этого были предложены альтернативные «материальные меры, чтобы убедить птиц перебраться в другое место и изменить свое поведение». Например, в городе Лейден начали использовать более прочные мусорные мешки. Такая мера не сразу принесла результат, поскольку новые мешки оказались недостаточно прочными. Но относительно быстро они были заменены другими мешками, которые чайки уже не могли вскрыть, поэтому «переместились в другое место» [Ibid.]. Другая предложенная мера заключалась в том, чтобы обеспечить чаек более естественной для них пищей и создать «гнездовые острова у побережья» [Ibid.], местоположение которых предстояло бы определять вместе с птицами, поскольку у них тоже есть свои интересы и предпочтения. Последняя предложенная мера состояла в том, чтобы перестать предлагать чайкам еду и «научиться уважительно говорить “нет”» [Ibid.].

И для первого, и для второго обсуждаемого Мейер кейса характерны материальные взаимодействия и материальная коммуникация, происходящая не посредством абстрактных человеческих понятий, а за счет определенных материальных изменений среды или через конкретные материальные объек-

ты — например, пакеты, которые позволяют более эффективно доносить до нечеловеческих животных, в данном случае птиц, определенную информацию. Одновременно с этим сами нечеловеческие животные также коммуницируют с нами посредством материальных взаимодействий, когда занимают определенную территорию, урбанизированное пространство, а также когда на материальном уровне вмешиваются в нашу жизнь: представляют угрозу для полетов самолетов, воруют еду или создают беспорядок, разрывая мусорные пакеты.

В такого рода межвидовой коммуникации важно прислушиваться к группам, которые до этого не признавались в качестве политических агентов [Meijer, 2025]. Это важно для того, чтобы выяснить, каковы интересы нечеловеческих животных, как они соотносятся с интересами человеческих политических сообществ и, в некоторых случаях, чтобы понять, следует ли признавать их частью многовидового сообщества [Bickford, 1996; Dryzek, 2000; Dobson, 2014]. Мы должны, утверждает Мейер, учиться слушать другого, становясь «фоном для другого, который пока еще не является нам, а может и не явиться, или может явиться только через долгое время». Эта практика «важна для развития новых коллективов и способов взаимодействия в сообществе» [Meijer, 2023].

Теоретический подход Евы Мейер задает концептуальную рамку для размышления о межвидовой демократии и межвидовой коммуникации с птицами и разговорах о них. Для подхода Мейер важен так называемый «системный поворот» в делиберативной демократии, который рассматривает демократическое устройство как «сложное целое, в котором разнообразные институты, ассоциации и стороны противостояния вовлечены в совместную работу над политическими вопросами, в которую включены также неформальные объединения, медиа, организованные правозащитные группы, школы, фонды, частные и некоммерческие институты, законодательные органы и суды» [Mansbridge, 2012, p. 2]. Мне кажется, что тексты, предложенные в этом номере журнала, очень хорошо вписываются в теоретическую рамку Мейер и демонстрируют то, каким образом на практике может работать межвидовая делиберативная демократия, в которой участниками являются не только люди, обсуждающие птиц, но и сами птицы, говорящие на своем птичьем языке, который в ряде ситуаций оказывается для нас вполне понятным.

Источники

- Аристотель. (1983). *Политика*. В *Аристотель. Сочинения* (в 4 т., т. 4). М.: Мысль.
- Кон, Э. (2018). *Как мыслят леса: К антропологии по ту сторону человека*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Пепперберг, А. (2017). *Алекс и я*. Москва: Издательский дом ЯСК.
- Серов, В.В. (2003). *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*. Москва: Локид-Пресс.

- Мейер, Е. (2024). Межвидовые встречи и политический поворот: От диалогов к deliberации (О. Кудрявцева, И. Смирнов, пер.). В М. Мефёд (Сост.) *Нечеловеческие животные и техника* [веб-зін]. Музей современного искусства «Гараж». <https://non-human-animals.garage.digital/mezhvidovye-vstrechi-i-politicheskij-povorot-ot-dialogov-k-deliberacii.html>.
- Wikipedia. (2023, September 29). *Apollo G. Bird*. https://en.wikipedia.org/wiki/Apollo_G.Bird
- Bickford, S. (1996). *The dissonance of democracy: Listening, conflict and citizenship*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Craige, B.J. (2010). *Conversations with Cosmo: At home with an African grey parrot*. Santa Fe, NM: Sherman Asher Publishing.
- Derrida, J. (2008). *The beast and the sovereign* (Vol. 1). Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Dobson, A. (2014). *Listening for democracy: Recognition, representation, reconciliation*. Oxford, UK; New York, NY: Oxford University Press.
- Dryzek, J. (2000). *Deliberative democracy and beyond*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Forskare har hittat metod för att avkoda grisars språk och känslor. (n. d.). *Illustrerad Vetenskap*. <https://illvet.se/teknik/forskare-har-hittat-metod-for-att-avkoda-grisars-sprak-och-kanslor>.
- Kobayashi, K., Matsuzaki, K., Taniguchi, M., Sakaguchi, K., Inui, K., & Abe, K. (2025). FinchGPT: A transformer-based language model for birdsong analysis. *arXiv*.
- Mansbridge, J., Bohman, J., Chambers, S., Christiano, T., Fung, A., Parkinson, J., & Warren, M. (2012). A systemic approach to deliberative democracy. In J. Parkinson & J. Mansbridge (Eds.), *Deliberative systems: Deliberative democracy at the large scale* (pp. 1–26). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Meijer, E. (2023). Deep listening and democracy: Political listening to fellow citizens and other beings. *The Philosopher*. <https://www.thephilosopher1923.org/post/deep-listening-and-democracy>.
- Meijer, E. (2016). Interspecies democracies: Blurring boundaries in human-animal relationships. In B. Bovenkerk & J. Keulartz (Eds.), *Animal ethics in the age of humans* (pp. 53–72). Cham: Springer Verlag.
- Meijer, E. (2025). *Multispecies dialogues: Doing philosophy with animals, children, the sea and others*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Meijer, E. (2019). *When animals speak: Toward an interspecies democracy*. New York, NY: New York University Press.
- Merleau-Ponty, M. (1968). *The visible and the invisible*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
- Pardo, M.A., Fristrup, K., Lolchuragi, D.S., et al. (2024). African elephants address one another with individually specific name-like calls. *Nature Ecology & Evolution*, 8, 1353–1364.
- Ruiz, M. (2024). Marine acoustics: What do the depths tell us about biodiversity? [Video]. Congreso Futuro. YouTube. <https://youtu.be/HdJ81xXusnA?si=CNF19KyKR2EnNNjM>.
- Young, I.M. (1996). Communication and the other: Beyond deliberative democracy. In S. Benhabib (Ed.), *Democracy and difference: Contesting the boundaries of the political*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

NOTES ON INTERSPECIES COMMUNICATION

Mark V. Mefed, Independent researcher; Moscow, Russian Federation.
E-mail: fleainmyhead@gmail.com

This article analyzes interspecies communication, with primary attention given to human interaction with birds and other non-human animals. Considering that interspecies communication on an urban scale is impossible in either human language or the species-specific language of animals, the author turns to the works of Eduardo Kohn and Eva Meijer to rethink the very concept of language and interaction between species. Verbal and non-verbal forms of communication are examined, including vocalizations, visual signals, bodily movements, and behavioral indices, as well as the phenomenon of metacommunication, which allow animals to convey the meaning of their actions. Emphasis is placed on the fact that communication between species is built not only on the exchange of signals, but also on the capacity for mutual perception, interpretation, and reaction in a shared space. The article emphasizes that interspecies communication is a process of interaction involving the joint creation of meaning and the recognition of other subjects as carriers of their own experience. The paper focuses on the need to develop interspecies democracy, understand the diversity of sign systems, and apply philosophical and anthropological approaches to expand human perception, form new ethical practices, and build ethically responsible interaction with other living beings.

Keywords: bird language; birds; non-human animals; interspecies communication; Eduardo Kohn; Eva Meijer

Citation: Mefed, M. (2026). Notes on Interspecies Communication. *Urban Studies and Practices*, 11(2), 6–13. <https://doi.org/10.17323/usp11220266-13>

References

- Aristotle. (1983). *Politics*. In *Aristotle, Works* (Vol. 4), A.I. Dovatur (Ed.). Moscow: Mysl. (in Russian).
- Bickford, S. (1996). *The dissonance of democracy: Listening, conflict and citizenship*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Craige, B.J. (2010). *Conversations with Cosmo: At home with an*

- African grey parrot*. Santa Fe, NM: Sherman Asher Publishing.
- Derrida, J. (2008). *The beast and the sovereign* (Vol. 1). Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Dobson, A. (2014). *Listening for democracy: Recognition, representation, reconciliation*. Oxford, UK; New York, NY: Oxford University Press.
- Dryzek, J. (2000). *Deliberative democracy and beyond*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Forskare har hittat metod för att avkoda grisars språk och känslor. (n.d.). *Illustrerad Vetenskap*. <https://illvet.se/teknik/forskare-har-hittat-metod-for-att-avkoda-grisars-sprak-och-kanslor>.
- Kobayashi, K., Matsuzaki, K., Taniguchi, M., Sakaguchi, K., Inui, K., & Abe, K. (2025). FinchGPT: A transformer-based language model for birdsong analysis. *arXiv*.
- Kohn, E. (2018). *Kak mysljat lesa: K antropologii po tu storonu cheloveka* [How forests think: Toward an anthropology beyond the human]. Moskva: Ad Marginem Press (in Russian).
- Mansbridge, J., Bohman, J., Chambers, S., Christiano, T., Fung, A., Parkinson, J., & Warren, M. (2012). A systemic approach to deliberative democracy. In J. Parkinson & J. Mansbridge (Eds.), *Deliberative systems: Deliberative democracy at the large scale* (pp. 1–26). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Meijer, E. (2023). Deep listening and democracy: Political listening to fellow citizens and other beings. *The Philosopher*. <https://www.thephilosopher1923.org/post/deep-listening-and-democracy>.
- Meijer, E. (2016). Interspecies democracies: Blurring boundaries in human-animal relationships. In B. Bovenkerk & J. Keulartz (Eds.), *Animal ethics in the age of humans* (pp. 53–72). Cham: Springer Verlag.
- Meijer, E. (2024). Mezhhvidovyye vstrechi i politicheskij povorot: Ot dialogov k deliberatsii [Interspecies encounters and the political turn: From dialogues to deliberation] (O. Kudryavtseva, I. Smirnov, Trans.). In M. Mefyod (Ed.), *Nechelovecheskiye zhivotnyye i tekhnika* [Non-human animals and technology] (Web-zine). Garage Museum of Contemporary Art. <https://non-human-animals.garage.digital/mezhvidovye-vstrechi-i-politicheskij-povorot-ot-dialogov-k-deliberatsii.html> (in Russian).
- Meijer, E. (2025). *Multispecies dialogues: Doing philosophy with animals, children, the sea and others*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Meijer, E. (2019). *When animals speak: Toward an interspecies democracy*. New York, NY: New York University Press.
- Merleau-Ponty, M. (1968). *The visible and the invisible*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
- Pardo, M.A., Fristrup, K., Lolchuragi, D.S. et al. (2024). African elephants address one another with individually specific name-like calls. *Nature Ecology & Evolution*, 8, 1353–1364.
- Pepperberg, A. (2017). *Aleks i ja* [Alex & Me]. Moskva: Izdatelskiy dom YASK (in Russian).
- Ruiz, M. (2024). Marine acoustics: What do the depths tell us about biodiversity? [Video]. Congreso Futuro. YouTube. <https://youtu.be/HdJ81xXusnA?si=CNF19KyK2EnNNjM>.
- Serov, V.V. (2003). Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy [Encyclopedic dictionary of winged words and expressions]. Moscow: Lokid-Press (in Russian).
- Young, I.M. (1996). Communication and the other: Beyond deliberative democracy. In S. Benhabib (Ed.), *Democracy and difference: Contesting the boundaries of the political*. Princeton, NJ: Princeton University Press.